

Об одной неудачной теории¹

(по поводу теории рационализации О. А. Ерманского)

Общие замечания

В 1928 г. и затем в 1929 г. вышла двумя изданиями книга О. А. Ерманского „Теория и практика рационализации“. Достоинства этой работы неоднократно и вполне заслуженно освещались в нашей печати. Были отмечены также и недостатки. Однако, основная идея автора, являющаяся стержнем всей книги,—категорическое отождествление принципа оптимума с принципом рациональности—была почти совершенно обойдена критикой, и автор, тем самым, получил некоторое право утверждать, что его метод „может считаться общепризнанным“. Между тем, основная ошибка автора, определяющая собой все остальные его частные ошибки, лежит именно в плоскости построения понятия „рационального“. Предлагаемое О. А. Ерманским понимание рационального является не только односторонним и по тому методологически неправильным, но и просто вредным в условиях нашего развития.

Задача построения теории рационализации, само собой разумеется, далеко выходит за рамки простого описания методов рационализации. Мало сказать, что конвейерная система или стандартизация производства представляют собою методы рационализации. Нужно, кроме того, показать почему они являются методами рационализации и что в них рационального. Поэтому О. А. Ерманский совершенно прав, когда описанию практики рационализации предпосылает очерк теории рационализации. Бесспорная заслуга автора в том, что он едва ли не первый в русской литературе поставил вопросы рационализации в теоретической плоскости. Однако, выдвинутая им теория рационализации, несмотря на кажущуюся ее стройность и убедительность, имеет чрезвычайно существенные дефекты и пробелы.

О подлинной рационализации

Прежде всего мы не находим в работе О. А. Ерманского самого основного: определения понятия „рационализация“. Автор ставит нас в известность о целях рационализации: „рациональная органи-

¹ В порядке обсуждения. Ред.

зация производственных процессов имеет целью увеличить их полезный результат“ (стр. 3). Затем мы узнаем, каким образом достигается рациональная организация: „организация задача не количественного, а качественного порядка. Это значит следующее: если мне, как организатору или рационализатору, даны определенные силы или элементы производства, то извлечь из них больше полезного результата я должен не обязательно введением в дело новых сил, т.е. увеличением количества наличных сил, а качественным улучшением или изменением соотношения между имеющимися силами“ (стр. 3).¹ Далее автор сам разъясняет, что „качественное улучшение или изменение сочетания сил, как средство; количественное увеличение достигаемого полезного результата, как цель,—такова следовательно, характеристика работы по рациональной организации производства“. Иными словами, мы пока знаем лишь цели и средства рациональной организации. Это, однако, не определение понятия, ибо одной цели могут служить различные средства так же как и определенное средство может служить разным целям.

Для того, чтобы дать правильное определение такому понятию, как „рациональная организация производства“ или „рационализация производства“, следует предварительно установить, что означает собою „рациональность“, как таковая. Без правильного понимания идеи рационального нельзя правильно подойти к изучению рационализации промышленности. Между тем, правильное понимание столь отвлеченной идеи, как рациональность, крайне затрудняется тем, что объективной рациональности не существует. Рациональность есть не больше, как качественная характеристика или оценка, даваемая нами явлению. Любое явление может быть рассмотрено с различных сторон и точек зрения, и в каждом отдельном случае оно будет иметь иную характеристику степени своей рациональности. Одно и то же явление может быть рациональным в одном отношении и нерациональным в другом. Применение детского труда в промышленности отнюдь не является рациональным с точки зрения интересов здоровья населения, но вполне рационально с точки зрения капиталиста. Поэтому, наиболее обобщающее содержание, какое может быть нами раскрыто в идее рационального, представляет собой ни что иное, как наиболее полное использование данного явления в желательном направлении. Чем больше соответствие между тем результатом, который есть, и тем, который здесь в определенном направлении объективно возможен, тем больше оснований считать данное явление рациональным.

Таким образом, для того, чтобы говорить о степени или наличии рациональности в том или ином явлении, нужно иметь представление о следующих трех моментах: 1) содержание явления, 2) об'ек-

¹ Здесь и ниже стр. указаны по второму изданию „Теории и практики рационализации“. ГИЗ 1929 г.

тивно возможный результат и 3) наличный результат. Содержание явления или наличие некоторых сил или средств предопределяет собою направление, в котором они используются и в котором должен быть найден результат. Конечно, это не значит, что каждая данная комбинация сил или средств может быть использована только в одном направлении. Но из всех возможных применений есть одно, наиболее эффективное, по сути вещей вытекающее из данного комплекса сил и потому наиболее рациональное. Это значит, что когда мы говорим о рациональности, то необходимо различать о какой рациональности идет речь: о направлении, в котором данный запас сил может быть наиболее рационально использован или о достижении наиболее рационального результата в уже принятом направлении, независимо от того является ли оно само по себе правильным или неправильным. О. А. Ерманский не проводит этого различия и потому не может на деле провести грань между рационализацией социалистической и рационализацией капиталистической. Замечания его об „условности“ капиталистической рационализации весьма туманны, и нет ничего удивительного в том, что он в конце концов приходит к парадоксальному выводу — полному отрицанию капиталистической рационализации: „научно-теоретическая беспомощность буржуазных экономистов,—читаем мы в отдельной статье О. А. Ерманского,—есть только отражение социально-классовой неспособности буржуазии к проведению в жизнь полной и подлинной рационализации“.¹ Как легко разрешается вопрос о разнице между капиталистической и социалистической рационализацией! Оказывается разницы никакой нет, ибо есть только одна рационализация, а все остальное сплошная мистификация. „Рационализация социалистическая, пишет О. А. Ерманский,—тавтология, ибо рационализация для настоящего исторического периода может быть только социалистической, а рационализация капиталистическая — вовсе не рационализация; она — „рационализация“ в кавычках“.²

Здесь, своим категорическим отрицанием капиталистической рационализации, О. А. Ерманский не только совершает ошибку против фактов, но и впадает в противоречие с самим собой. В самом деле, каковы должны быть предпосылки отрицания капиталистической рационализации? Для этого нужно исходить из следующих положений: 1) цели и средства капиталистической рационализации отличны от целей и средств рационализации социалистической и 2) рационализация есть сочетание только одних средств, ведущих к одной только цели. Исходя из таких предпосылок, конечно, можно сделать вывод, что капиталистическая рационализация „вовсе не рационализация“, ибо она действительно характеризуется другими средствами и целями нежели рационализация социалистическая. Но ведь

¹ „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 207.

² „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 213.

О. А. Ерманский сам утверждает, что рационализация не есть сочетание определенных средств, направленных к одной только цели, а есть соответствующая организация средств, направленных к достижению любой цели. Это значит, что могут быть различные цели, в зависимости от рода деятельности, и тем не менее явление будет рациональным, если средства, ведущие к данной цели, надлежащим образом организованы. А если так, то почему не может быть капиталистической рационализации? Конечно, для социалистического хозяйства цели и методы капиталистической рационализации неприемлемы, ибо они дезорганизуют хозяйство. Точно так же и для капиталистического хозяйства неприемлемы цели и методы социалистической рационализации. Но цели и методы капиталистической рационализации, применяемые в капиталистическом хозяйстве, будут вполне на своем месте, ибо они путем надлежащей организации сил и средств ведут к повышению искомого результата. Поэтому, отрицание существования капиталистической рационализации равносильно отрицанию существования рационального отношения во всяком явлении, где известное сочетание сил и средств приводит к некоторому результату, за исключением социалистического хозяйства. Расположение гнезд внутри бедренной кости человека, на которое ссылается О. А. Ерманский, не может быть, следовательно, примером рациональности, ибо как на данном историческом этапе, так и на всяком ином этапе, оно служит не тем целям, которым служит рациональная организация социалистического хозяйства.

Утверждение О. А. Ерманского, что существует только одна рационализация, является недопустимой ошибкой и к тому же совершенно не вытекает из его же собственного понимания рационального. Всюду, где у него речь идет о содержании рационального отношения, мы не находим никаких ограничений ни в выборе средств, ни результатов. Напротив всюду подчеркивается, что существенным является не характер или количество средств, и не характер или количество результатов, а только соотношение между ними. Мы имеем прямое и категорическое утверждение, что цель того или иного явления не имеет значения, „важна объективная сторона дела: обеспечение рациональности путем соответствия средства деятельности и ее цели, путем планомерного согласования между собою всех элементов деятельности. Не важна — вернее, в стороне стоит — субъективная сторона, цель, которая преследуется данной деятельностью“.¹ После этого совершенно справедливого заявления нам не понятно утверждение, что есть только одна рационализация. Другое дело, если бы автор хотел осудить методы капиталистической рационализации, как основанные на эксплуатации рабочей силы и направленные не к увеличению благосостояния широких масс, а к повышению доходов капиталистов. В этом случае автор

¹ „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 204.

был бы безусловно прав. Но осуждая то или иное явление, не-зачем закрывать глаза на его существование. „Когда мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть,— пишет Энгельс,— то такие приговоры не касаются политической экономии. Мы выражаем ими простое противоречие нашего нравственного чувства с данным экономическим фактом“.¹

Правильная постановка вопроса была бы такова. Между известным количеством сил или средств и результатом их деятельности могут быть достигнуты различные отношения. Одно из этих отношений будет наиболее рациональным, ибо оно отвечает такому-то принципу. Всякое рациональное отношение должно отвечать этому принципу, что означает, что существует только одно подлинно рациональное отношение. Но элементы, которые составляют это рациональное отношение, могут быть самые разнообразные. Мы имеем дело с различными явлениями, с различными результатами и т. п. Вследствие этого мы не можем говорить о примате какой-либо одной цели или результата над всеми прочими и считать рациональным только соответствие этой цели. Мы должны на первый план выдвинуть именно идею рационального, т. е. подчеркнуть, что речь идет не о данном результате, не о данных силах и средствах не о данном историческом этапе и т. п., а о всякой комбинации сил и результатов, возникающих на любом историческом этапе. Рациональное отношение может быть всюду, но в одном случае это будет рациональность социалистического хозяйства, в другом — капиталистического хозяйства, в третьем — расположения гнезд в бедренной кости человека и т. д. В каждом отдельном случае принцип, по которому строится отношение между средствами и результатом, будет один и тот же, но сами средства и результаты будут глубоко различны.

Цели и средства рациональной организации

Признавая только одну подлинную рационализацию, О. А. Ерманский впадает в ошибку именно потому, что не отличает выбора цели от организации средств для достижения поставленной цели. Подходя к рационализации того или иного явления, мы должны последовательно разрешить ряд задач. Первая задача, которая должна быть разрешена, сводится к установлению органического соответствия между данным комплексом сил или средств и результатом их действия. Иными словами, мы должны в зависимости от того, что нам дано, цель или средства, найти либо наиболее рациональную цель при данных средствах, либо наиболее рациональные средства для данной цели. Для того, чтобы эта задача была правильно разрешена нужно подойти к характеристике целей и средств

¹ Ф. Энгельс. Предисловие к I немецкому изданию „Ницше философия“ К. Маркса.

значительно глубже, чем это делает О. А. Ерманский. Прежде всего следует, поскольку речь идет о рационализации такого социального явления как хозяйство, отказаться от вульгарной натуралистической точки зрения, на которой стоит О. А. Ерманский. Для О. А. Ерманского хозяйство есть всего лишь материальный процесс, лишенный социальной формы, благодаря чему он ограничивает проблему рационализации одними технико-организационными мероприятиями. На самом же деле, это далеко не так. Материальное явление, лишенное социальной формы, может быть использовано в различных направлениях, при чем мы сможем выбрать лишь наиболее желательное направление, но никогда не можем определить, какое направление будет наиболее рациональным. В самом деле, какое может быть дано наиболее рациональное использование имеющейся суммы денег? Сказать, что наиболее рациональное использование денег заключается в обмене их на товары или услуги, а не в украшении жилищ, значит признать социальную функцию денег и отказаться от натуралистического взгляда на вещи. Но этого мало. Необходимо, кроме того, знать, на какие товары или услуги было бы наиболее рационально истратить имеющиеся деньги. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать не только социальную функцию денег в меновом обществе, но и их социальную форму в обществе капиталистическом. Одна и та же сумма денег может быть наиболее рационально использована в различных направлениях в зависимости от ее социальной формы. Если эта сумма денег имеет форму заработной платы, то наиболее рациональным ее использованием будет воспроизводство рабочей силы. Если же эта сумма денег имеет форму денежного капитала, то наиболее рациональным использованием, в этом случае, будет извлечение прибыли. Пока сумма денег лишена определенной социальной формы, до тех пор мы не можем решить вопроса о наиболее рациональном ее использовании. Напротив, зная социальную форму интересующего нас явления, мы легко укажем направление, в котором оно должно быть использовано. Короче говоря, в отношении материальных явлений, воспринимаемых нами без определенной формы, нельзя ставить вопроса о наиболее рациональном их использовании, ибо здесь будет столько же наиболее рациональных использований, сколько различных форм может принять изучаемое явление.

Таким образом, для того, чтобы говорить о выборе наиболее рациональной цели при данных средствах, нужно понять социальную природу имеющихся средств, т. е. рассмотреть их с одной неизменной точки зрения.

Марксистская теоретическая экономия рассматривает явления хозяйственной жизни с точки зрения отношений между людьми. Под таким углом зрения основные явления хозяйственной жизни принимают форму экономических категорий. Для каждой экономической категории есть только одно направление, в котором она

может себя наиболее рационально проявить. Это именно та функция данного фактора в хозяйственной жизни, успешное выполнение которой является экономическим оправданием его существования, или невыполнение которой делает его существование бессмысленным. Речь идет именно об экономической целесообразности, т.е. о целесообразности, критерий которой обусловлен капиталистической формой производства. Само собой разумеется, что целесообразность экономическая далеко не всегда совпадает с целесообразностью технической, моральной, эстетической и т. п. Но мы не можем измерять целесообразность и успешность функционирования экономических категорий, как капитал, наемный труд и др. критериями лежащими вне сферы экономики. Для этого необходимо отказаться от экономической точки зрения.

Таким образом, выбор цели или направления, в котором может быть наиболее рационально использовано то или иное хозяйственное явление, целиком предопределяется его социальной формой, а никак не его материальным содержанием. Когда О. А. Ерманский пишет, что для настоящего исторического периода рационализация может быть только социалистической, совершенно очевидно, что он пишет не о капиталистическом хозяйстве, т.е. о хозяйстве, имеющем определенную социальную форму, а о хозяйстве „вообще“. Хозяйство для О. А. Ерманского не социальная организация, а всего лишь материальный процесс, который он хочет заставить служить одной определенной цели. Такая постановка вопроса вряд ли может рассчитывать на „всеобщее признание“. Мы были бы совершенно согласны с О. А. Ерманским, если бы он сформулировал свою мысль, примерно, следующим образом. Человек может по-разному относиться к целям хозяйственной жизни: он может строить хозяйственную систему для удовлетворения потребностей общества (социалистическая форма хозяйства), но может строить ее и для извлечения дохода (капиталистическая форма хозяйства). Это — две точки зрения на одно явление, определяющее собой различные цели хозяйственной деятельности. В первом случае движущим стимулом хозяйственной системы будет обслуживание общества; во втором — стремление к прибыли, к частной наживе, получаемой путем эксплуатации одного класса другим. На известном историческом этапе стремление к прибыли настолько обеспечивает обслуживание общественных потребностей, что капиталистическое хозяйство может считаться наиболее рациональной формой хозяйства для этого периода. Однако, на современном историческом этапе мы наблюдаем столь значительный разрыв между стремлением к прибыли и удовлетворением общественных потребностей, что с точки зрения интересов широких масс населения материальная база современного хозяйства сможет быть наиболее рационально использована лишь при изменении формы хозяйства, преобразовании ее из капиталистической в социалистическую. Иными словами, вместо того, чтобы говорить

о том, что есть только одна рационализация, О. А. Ерманский должен был бы сказать, что с определенной классовой точки зрения производственная база хозяйства капиталистических стран может быть наиболее рационально использована только в социалистическом направлении. Говорить же про капиталистическое хозяйство, т.е. про социальную организацию, преследующую цели извлечения дохода, что единственным видом рационализации для нее является рационализация социалистическая, по меньшей мере наивно.

Капиталистическое хозяйство будет рациональным в том случае, если оно отвечает своему назначению (получение дохода), и если организовано так, что при данных средствах и силах получает наилучший эффект. Существует ли на данном историческом этапе капиталистическая рационализация? Существует и это признает и О. А. Ерманский, хотя и называет ее „мнимой“, „условной“ и т. п. Капиталистическое хозяйство, действительно, всеми мерами стремится к повышению доходности, оно осуществляет ту свою жизненную функцию, без которой существование подобной системы общественных отношений становится бессмысленным. Капиталистическое хозяйство рационализируется „в себе“.

Одновременно с капитализмом рационализируется и советское хозяйство. Но советское хозяйство рационализируется не потому, что оно подобно капитализму стремится к частной прибыли, а именно, потому, что цели рационализации советского хозяйства совершенно иные. Представляя собой иную систему общественных отношений, нежели капитализм, советское хозяйство рационально потому, что оно идет навстречу той задаче, которая заложена в его системе общественных отношений. Поскольку же это соответствие имеет место, постольку и советское хозяйство рационально в себе.

Таким образом, выбор или соответствие цели данным средствам определяется социальной формой последних. Капиталистическое хозяйство может иметь только одну цель — рентабельность. О. А. Ерманский совершенно напрасно нападает на распространенное в Германии и Соед. Штатах понимание рационализации, как совокупности мероприятий, повышающих рентабельность предприятия. „По существу, пишет О. А. Ерманский, это — грубый эмпиризм, сводящийся к отказу от объяснения и определения рационализации, как исторического явления“.¹ Как-раз наоборот, именно те, кто считает рентабельность критерием рационализации, именно они стоят на исторической точке зрения, ибо они говорят о рационализации капиталистического хозяйства, а не рационализации „вообще“.

Но если принцип рентабельности является наиболее рациональной целью капиталистического хозяйства, а принцип удовлетворения потребностей наиболее рациональной целью социалистического хо-

¹ „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 211.

зайства, то мы можем сказать, что наиболее рациональной целью всякого комплекса сил или средств является осуществление той функции, которая придает данному явлению его социальную форму. Иначе говоря, каждое социальное явление будет лишь тогда рациональным в себе, когда оно будет поддерживать и сохранять свою социальную форму. В этом заключается выбор цели при данных средствах.

Форма рационализации

Выбор цели или средств является первой задачей рационализации. Но это не более, как выбор элементов для второй более сложной задачи. Полное соответствие между имеющимися средствами и целью или направлением, в котором они должны быть использованы, конечно, облегчит достижение нужного результата. Однако, сплошь и рядом, приходится прибегать к использованию средств не по их прямому назначению, или, что то же самое, стремиться к достижению определенной цели не с помощью тех средств, какие были бы рациональнее всего использовать, а с помощью тех средств, которые имеются. В этом случае, так же как и тогда, когда между имеющимися средствами и поставленной целью достигнуто полное соответствие, мы имеем всего лишь элементы задачи. Теперь эти элементы должны послужить основанием для точно сформулированного непосредственного задания. После того, как цель рационализации и ее средства нам уже известны, нужно выбрать лучший путь, каким эта цель может быть достигнута.

Целью деятельности капиталистического промышленного предприятия является получение прибыли; непосредственным результатом его деятельности является создание продуктов. Средством получения прибыли является известное отношение между затратами предприятия и непосредственным результатом его деятельности.

Таким образом, рационализация деятельности данного предприятия должна свестись к изменению соотношения между затратами и продукцией. К изменению этого соотношения можно прийти различными путями и второй задачей рационализации является выбор наиболее целесообразного пути, или формы рационализации.

Основным содержанием теории рационализации О. А. Ерманского является доказательство того, что наилучшим путем, ведущим к достижению наиболее рационального отношения между затратами и результатом, является построение этого отношения по принципу оптимума. Содержание принципа оптимума сводится к следующему. Имеется определенное количество средств (E), которое дает определенный результат (R). Отношение R к E или результат на единицу затрачиваемых средств представляет собою величину m . Благодаря тем или иным организационным мероприятиям можно уменьшать величину E , а также увеличивать или уменьшать величину R . Увеличение E исключается, так как всякое увеличение имею-

щихся средств представляет собою явление, выходящее за рамки организационно-рационализаторских мероприятий. Всего, следовательно, возможны следующие 6 комбинаций:

E	R
1. Без изменения.	Без изменения.
2. Без изменения.	Увеличение.
3. Без изменения.	Уменьшение.
4. Уменьшение.	Без изменения.
5. Уменьшение.	Увеличение.
6. Уменьшение.	Уменьшение.

Каждая из этих комбинаций дает свою особую величину m . Наиболее рациональным, утверждает О. А. Ерманский, будет такое сочетание средств и результатов, при котором величина m будет наибольшей. Это оптимальное отношение является основой рационализации и „по этому пути идет вся культура человечества, в особенности техническая культура“ (стр. 29).

Так ли это на самом деле? Возьмем пример, которым пользуется Кларк при обосновании теории падения производительности капитала. Лодка, в которой находится один гребец, движется с определенной скоростью. Для того, чтобы увеличить скорость движения лодки, туда садится второй гребец. Однако, несмотря на то, что расход энергии увеличивается вдвое, скорость движения лодки увеличивается менее, чем вдвое. Если в лодку садится третий гребец, то скорость движения увеличивается еще более, но, несмотря на тройное увеличение количества расходуемой энергии, скорость движения лодки в лучшем случае увеличивается вдвое. Допустим далее, что О. А. Ерманский приглашен рационализировать работу гребцов. Не трудно догадаться, что верный своему принципу оптимума, он оставит в лодке только одного гребца, благодаря чему величина m , т.-е. отношение скорости лодки к расходуемой энергии, будет наибольшей из всех возможных. Но напрасно вы будете пытаться убедить О. А. Ерманского, что лодка должна к определенному сроку прибыть в какое-либо место, что с одним гребцом она этого не сделает и, следовательно, вся проделанная „рационализация“ становится бессмысленной. Ерманский ответит, что подобные соображения являются „бытовой мудростью“ (стр. 21).

Очевидно, что в ряде случаев приходится стремиться не к наиболее рациональному отношению между E и R , а, прежде всего, к определенной величине E или R . Отсюда и вытекает необходимость точной формулировки задания для рационализатора. О. А. Ерманский полагает, что долг рационализатора обязывает его воспользоваться таким сочетанием средств и результатов, при котором будет наиболее благоприятное отношение между ними. Это неверно. В подавляющем большинстве случаев задачей рационализации является не отыскание одного лишь оптимального отношения между

E и R , при различном варьировании их абсолютных величин, а достижение оптимального результата при условии обязательного достижения определенной величины R , или при условии полного использования E . Единственное исключение, какое допускает О. А. Ерманский для принципа оптимума, относится к пожарным лестницам (стр. 136). А между тем обязательность выполнения определенного задания в определенный срок встречается не только при пожарах, но в подавляющем большинстве случаев, начиная от одной из основных задач советского хозяйства — „догнать и перегнать капиталистические страны в кратчайший срок“ до своевременного представления справки в домоуправление.

О. А. Ерманский совершенно прав, когда пишет следующее: „Можем ли мы сказать, что работа выполнена тем рациональнее, чем больше величина R ? Очевидно, нет. Можно выполнить работу весьма нерационально и все-таки получить большое R , — благодаря затрате огромного количества сил. Можно ли сказать, что работа выполнена тем рациональнее, чем меньше величина E ? Опять-таки, нет. Можно нерационально выполнять работу с весьма небольшим расходом сил, но зато и полезного результата получить ничтожное количество“ (стр. 19—20). Действительно, стремление к максимуму результатов, ценою каких угодно усилий, можно оправдать лишь в самых редких случаях. Точно так же крайне редко может быть оправдано доведение затрат до минимума ценой любого сокращения результата. Отсюда вытекает совершенно правильный вывод: „очевидно критерием рациональности работы не может служить ни R , ни E : таким критерием может служить лишь сопоставление их друг с другом, отношение между этими величинами“ (стр. 20). Какое же отношение между R и E будет рациональным. О. А. Ерманский считает, что только то отношение будет наиболее рациональным, которое на единицу E даст наибольший результат, или на единицу R требует наименьших затрат. В этом и заключается основной порок принципа оптимума. Если О. А. Ерманский правильно отказывается от стремления к максимуму R или к минимуму E , то он совершенно не прав, когда забывает о минимуме R и максимуме E . В подавляющем большинстве случаев дело не просто в отношении между E и R , а в обязательном достижении минимума R или в максимальном использовании E . Только после того, как достижение известного минимума R обеспечено, тогда лишь можно искать более рационального отношения между R и E . Иначе говоря, прежде чем приступить к рационализации, нужно знать, какое сочетание, какая форма рационализации должна быть достигнута в том или ином случае. Не любое отношение R к E будет рациональным, если только оно дает наибольшую величину m , а только то отношение, которое прежде всего обеспечивает абсолютный минимум R или абсолютный максимум E . Это значит, что при выборе рационального сочетания мы связаны определенными рамками.

Выше были приведены 6 возможных сочетаний R и E , среди которых для каждого конкретного случая должно быть найдено одно наиболее рациональное отношение. Возьмем следующий пример: студент должен в течение остающихся 24 часов подготовиться к экзамену, для чего ему нужно прочесть книгу в 400 страниц. Если бы этот студент обратился к О. А. Ерманскому, тот посоветовал бы ему примерно следующее. „В течение первых 4 часов вы прочтете 120 стр., в течение вторых 4 часов вы прочтете 100 страниц, в течение третьих 4 часов — 80 страниц и т. д. Для того, чтобы ваш труд был рациональным, чтение нужно прекратить в тот момент, когда каждый лишний час начнет понижать среднюю величину m . По всей вероятности этот момент наступит с седьмого часа работы, когда вместо 30 страниц в час вы будете прочитывать только 25 страниц. Поэтому, наиболее рациональным отношением между затраченной энергией и полученными результатами будет в том случае, если E составит не более 6 часов, а R — 180 страниц“. Иначе говоря, О. А. Ерманский предложит шестое сочетание, как наиболее рациональное для данного случая. Очевидно, что студент откажется от применения принципа оптимума и согласится на последние страницы своего учебника тратить не по 2 минуты, как в начале работы, а по 15—20 минут, лишь бы к сроку приготовить зачет. Если изложить этому студенту все 6 возможных сочетаний, то он скажет, что поскольку его работа имеет определенный размер и определенные сроки, постольку выбор наиболее рационального сочетания или формы рационализации его работы должен быть ограничен лишь двумя сочетаниями, а именно первым и четвертым. Утверждение О. А. Ерманского, что в принципе оптимума „заключается решающий, исчерпывающий критерий рациональности“ (стр. 135) является, таким образом, как-будто не совсем обоснованным.

Подобно тому, как в приведенном примере обязательным условием рационализации входило сохранение абсолютной величины R и, следовательно, выбор наиболее рационального отношения был ограничен только теми сочетаниями, где R остается неизменным, точно так же обязательным условием рационализации может входить сохранение величины E . В этом последнем случае выбор наиболее рационального отношения также будет ограничен немногими сочетаниями. В зависимости от конкретных условий и характера явления число сочетаний, среди которых нужно выбрать наиболее рациональное отношение, может колебаться от 1 до 6. При выборе этого отношения принцип оптимума действительно будет критерием рациональности, но лишь после того, как форма рационального отношения будет наперед установлена. О. А. Ерманский этого ограничения очевидно не признает, поскольку считает принцип оптимума решающим критерием рациональности. Благодаря этому развиваемая им теория рационализации неизбежно должна привести к ряду неправильных и политически-вредных выводов.

Два вывода из теории рационализации О. А. Ерманского

Мы рассмотрим всего лишь два вывода, которые сами напрашиваются при изучении теории рационализации О. А. Ерманского. Первый из них относится к задаче „догнать и перегнать“, второй — к использованию рабочей силы.

Как ставится у нас задача: догнать и перегнать капиталистические страны? Не говоря о том, что эта задача совершенно точная, отнюдь не идентичная неопределенной установке — „повышать уровень развития производительных сил“, она кроме того должна быть выполнена „в относительно минимальный исторический срок“. Переводя это задание на язык О. А. Ерманского, мы получаем R , при чем R совершенно точное. Если мы не можем сейчас точно указать год и месяц, когда эта задача будет решена, то самый момент осуществления задания сможет быть совершенно точно установлен. В отличие от какого-либо неопределенного задания, указывающего лишь направление развития, в этом случае мы имеем точную границу, достижение которой легко сможет быть установлено при помощи сравнительного статистического анализа. Средства, с помощью которых это задание сможет быть выполнено, заключаются в трудовых ресурсах и материальных производительных силах народного хозяйства СССР. Эти средства достаточны для выполнения поставленной задачи, но они требуют от участников величайшего напряжения. Совместимо ли величайшее напряжение с принципом оптимума? Ни в какой мере, ибо величайшее напряжение означает повышение расхода сил на единицу результата с целью обязательного достижения поставленного задания в минимальный срок. Если следовать принципу оптимума, то нужно сократить рабочий день до 5–6 часов, сократить норму накопления, ослабить темп индустриализации и т. п. Напряжение тогда уменьшится в большей степени, чем сократятся получаемые результаты и, следовательно, отношение R к E увеличится. Но тогда придется отказаться и от задачи перегнать капиталистические страны. Ведь, очевидно, что тот, кто догоняет, должен тратить больше сил на единицу пройденного расстояния, чем тот, кто идет не спеша, с принципом оптимума в кармане.

В вопросе использования рабочей силы принцип оптимума также приводит к неправильным и вредным выводам. О. А. Ерманский рекомендует следующим образом определять нормы выработки. Измеряя ежедневный расход энергии и давая рабочему разные задания, мы получаем различные величины. Допустим, что опыт показал, что выработка рабочего на единицу затраченной энергии начинает падать после того, как его дневная продукция начинает превышать 100 единиц изделий. О. А. Ерманский делает отсюда вывод, что норма выработки должна быть определена отныне в 100 единиц изделий в день. В отличие от О. А. Ерманского капита-

лист, который совсем не интересуется расходом энергии рабочего, считает, что норма выработки должна быть установлена в 200 единиц в день, хотя бы это привело к полному изматыванию рабочей силы. О. А. Ерманский мечет громы и молнии против этого несознательного капиталиста, упрекая его в том, что он нерационально ведет свое предприятие. С нашей точки зрения капиталист, конечно, глубоко сознателен и в полном соответствии со своими капиталистическими принципами поступает совершенно рационально, стремясь максимально использовать затраченные средства. Капиталист вкладывает в дело не мускульную силу рабочего, а переменный капитал в виде заработной платы и чем больше мускульной силы придется на всю сумму зарплаты, тем рациональнее использует он затраченный капитал. Именно в этом заключается капиталистическая рационализация использования рабочей силы. Однако, осуждая вместе с О. А. Ерманским подобное использование рабочей силы, мы не можем согласиться с ним, что наиболее рациональное использование рабочей силы в советском хозяйстве будет в установлении норм выработки по принципу оптимума. Дело в том, что между оптимальной нормой в 100 единиц изделий в день и хищнической нормой в 200 единиц изделий в день находится где-то посередине наиболее рациональная для нашего периода норма, которая, являясь безвредной для рабочего, с одной стороны, и превышая несколько оптимальный расход энергии на единицу продукции — с другой, дает тем не менее абсолютный итог трудового дня больший, чем при 100 единицах в день. При определении этой нормы нужно исходить не из оптимального расхода энергии на единицу продукции, а из общей суммы энергии, которую может затратить рабочий в течение трудового дня, без ущерба для своего здоровья. Это количество энергии, конечно, превысит то количество, которое требуется для производства 100 единиц изделий, но то обстоятельство, что, начиная со 101 единицы, рабочий вследствие некоторого утомления начинает слегка снижать эффективность своего труда, еще далеко не говорит о том, что здесь начинается разрушение его здоровья. В конце-концов всякий труд утомителен. Вряд ли О. А. Ерманский считает, что установленный в нашей промышленности семичасовой рабочий день совпадает с оптимальной величиной трудового дня, т. е. что увеличение расхода энергии на единицу изделий начинается только с 8 часа работы. По всей вероятности оптимальная точка приходится на 4 или 5 час работы, а в течение 6 и 7 часа выработка дается рабочему с несколько большим трудом, чем в течение первых 4 часов. Однако это не означает, что мы должны немедленно ввести 4–5-час. рабочий день. Поскольку 7-час. рабочий день является для здоровья рабочего безвредным и дает дневную выработку большую, чем 4–5-час. рабочий день, постольку советское хозяйство, ставящее перед собою труднейшие исторические задачи, не в праве на ближайший период времени вводить 4–5-час. день

О. А. Ерманский совершенно прав, когда возражает против такого принципа рационализации: максимальный результат хотя бы ценою любых затрат. Однако он не прав, противопоставляя этому принципу другой принцип: максимум результата на единицу затрат хотя бы ценою сокращения абсолютных размеров результата. Правильный принцип рационализации будет такой: достижение определенного результата ценою минимума затрат. Принцип рационализации О. А. Ерманского предполагает рационализацию для рационализации. Наш принцип рационализации предполагает рационализацию для достижения определенной цели. Критерий рациональности у О. А. Ерманского заложен в соотношении между единицей затрат и результатом. Наш критерий опирается на соотношение между всей суммой затрат и полностью достигнутым результатом. Объективно, рационализация О. А. Ерманского есть служение отвлеченному принципу, в то время как рационализация должна служить живым конкретным целям.

Если выше мы называли теорию рационализации О. А. Ерманского вредной теорией, то не потому, что мы опасаемся, будто она может причинить какой-либо вред практической работе по рационализации нашего хозяйства. Вся наша хозяйственная работа, от основных задач, в разрешении которых участвует народное хозяйство в целом, до самых малых, настолько проникнута целеустремленностью, что было бы наивно думать, что принцип оптимума О. А. Ерманского, столкнувшись на практике с каким-либо заданием, смог бы причинить тот или иной вред. Так же, как студент в приведенном выше примере не смог бы воспользоваться принципом оптимума, точно так же и любой практический работник, занятый вопросами рационализации, откажется от принципа оптимума, если ему в целях получения наилучшего соотношения между единицей затрат и результатом придется отказаться от выполнения своего задания в целом. Поэтому в области практической работы теория рационализации О. А. Ерманского не сможет причинить никакого вреда. Она просто останется в стороне. Однако в области теоретической разработки проблемы рационализации теория О. А. Ерманского принесла чрезвычайно большой вред тем, что правильную постановку вопроса подменила постановкой ошибочной. Успех работы О. А. Ерманского и отсутствие сколько-нибудь серьезных возражений против его точки зрения привели к тому, что в области теории рационализации взгляды Ерманского как бы доминируют. Самый факт существования теории, почти не встречающей серьезных принципиальных возражений, вызывает у многочисленных читателей О. А. Ерманского то доверие, которого его теория отнюдь не заслуживает и тем самым тормозит распространение правильных взглядов на процессы рационализации.